

Посвящается Мелани

Слово «depths» из оригинального заглавия книги можно перевести с английского и как «недра, глубины земли», и как «районы, находящиеся в глубине страны, глубинка». — *Примеч. пер.*

Предисловие к русскому изданию

Идея провести в Пермском крае исследование, которое легло в основу этой книги, зародилась у меня в 2008 году, когда мировые цены на нефть достигли своего исторического максимума в 147,27 доллара за баррель, а завершилось это исследование к началу 2012 года. Большая часть текста была написана в 2012–2013 годах, и в 2015 году, когда издательство «Cornell University Press» опубликовало книгу на английском языке, цены на нефть упали примерно до 50 долларов за баррель. Скорее всего, к публикации русского перевода они упадут еще ниже.

В 2020 году некоторые события эпохи нефтяного бума, описанные и проанализированные в этой книге, могут показаться какой-то сказкой. Неужели цены на квартиры правда удваивались и утраивались за несколько месяцев? Неужели в рамках Пермского культурного проекта действительно на эспланаде был устроен веселый «фестивальный пляж» с бассейном и тоннами песка? Узнав во время своих поездок в Пермский край в 2008–2012 годах о странном на первый взгляд отношении к деньгам и культуре в период нефтяного бума, я заинтересовался также воспоминаниями и рассказами о прежних временах: о нефти и промышленности советской эпохи, о протестах горожан против загрязнения окружающей среды, причиной которого в начале 1990-х стал пермский нефтеперерабатывающий завод, о сделках и договоренностях середины 1990-х, которые привели в регион «ЛУКОЙЛ», и о многом другом.

На самом деле чем больше я узнавал и писал, тем меньше был уверен, что моя книга будет посвящена российскому нефтяному буму начала века. Постепенно центральное место в ней начинали занимать две другие темы, которые, как я считаю, весьма актуальны до сих пор. Первая из них — история нефтяного региона,

рассказ о том, как на протяжении практически века природные ресурсы влияли на его жизнь — в политическом, экономическом, социальном и культурном смысле. В этой книге его история излагается с точки зрения самого региона, а не с точки зрения Москвы, федерального бюджета или федеральных министерств и компаний. Книга показывает, что в ориентированных на Москву исследованиях упускается важный момент: значение регионов в России велико — причем уже давно, гораздо дольше, чем кажется большинству наблюдателей. С 2012 года в этом регионе произошли новые события, которые могли бы послужить материалом для дополнительных глав, но готов поспорить, что основных выводов книги они бы не изменили. Вторая тема — опровержение распространенного на Западе или, по крайней мере, среди американцев мнение о том, что нефть и нефтяная промышленность в современной России в какой-то мере занимают особое положение по своей социальной и экономической структуре или в своих отношениях с государственной властью. Конечно, справедливо, что у нефти в Пермском крае имеется много важных особенностей, связанных как с советским прошлым, так и с взлетами и падениями постсоветских десятилетий. Эти особенности, однако, вполне можно рассматривать в рамках способов переплетения государства и корпораций, нефти, общества и культуры в современном мире — в том числе в Соединенных Штатах. Это означает, что история пермской нефти может помочь пролить свет не только на историю российской нефти в целом, но и на историю нефти мировой — и на этом я постоянно заостряю внимание в ходе повествования.

К словам признательности, которые уже были мной написаны для англоязычного издания, мне приятно добавить свою благодарность Ксении Тверьянович и ее коллегам по серии «Современная западная русистика» издательства «Academic Studies Press». Никто, кроме разве что меня самого, не потратил на работу над этой книгой больше времени, чем Полина Шубина, работавшая над переводом, и я благодарен ей за ее терпение и бережное отношение к тексту, не говоря уже о десятках обстоятельных комментариев и уточнений к переводу.

Но больше всего я обязан самым разным людям в Пермском крае, которые — с того момента, когда в 1994 году я впервые приехал туда еще студентом, — находили время, чтобы рассказывать мне о своей жизни и работе. Некоторые из этих собеседников были учеными в самых разных областях — в основном, если говорить об этой книге, в области истории, политологии, этнографии и краеведения. Текст и прилагающийся к нему библиографический список в общем и целом показывают, сколь многим я обязан этим исследователям, но не могут полностью отразить мою благодарность за их энтузиазм, поддержку и неустанную помощь в организации полезных знакомств. По большей части на протяжении этих лет моими собеседниками выступали жители Пермского края из самых разных социальных слоев, которым я выражаю свою глубочайшую признательность. И в официальных интервью, и в ходе случайных встреч на публичных мероприятиях, в архивах, библиотеках, музеях и т. п. я знакомился с их разнообразным опытом проживания в Пермском крае, который я стремился понять и описать, пусть лишь фрагментарно и порой с использованием научного языка, который может показаться им самим непривычным.

На протяжении более чем двадцати пяти лет поездок в Россию, разговаривал ли я с учеными или бизнесменами, с жителями деревень или городов, со студентами или пенсионерами, со старыми друзьями или новыми знакомыми, — многие из этих бесед касались политического взаимодействия США и России и международных отношений в целом. Я часто выражал надежду, что исследование, над которым мы трудились, пусть немного, но сделает Россию понятнее для тех, кто живет в Соединенных Штатах. В 2020 году эта надежда кажется еще более несбыточной, чем когда-либо за прошедшие 25 лет. Но мы, ученые, путешественники и все те, кто находит время, чтобы слушать, должны продолжать попытки.

Д. Р.

*Северный Хэйвен, Коннектикут
Июль 2020 года*

Предисловие

В советский период Пермь была важным центром тяжелой и оборонной промышленности. Здешние заводы выпускали ракеты для советской космической программы, авиационные двигатели для военного и гражданского воздушного флота и артиллерийские орудия для армии. В Пермском крае, на западных склонах Среднего и Северного Урала, располагались десятки металлургических заводов и нефтяных месторождений, одно из крупнейших в мире калийных месторождений, а также множество тюрем и трудовых лагерей, входивших в систему ГУЛАГа. И все же немногие в Советском Союзе, не говоря уже об остальном мире, знали об этом хоть что-то, поскольку Пермь была закрытым городом. Иностранцев сюда вообще не допускали, а советские государственные СМИ почти не упоминали о ней. Некоторые из моих русских знакомых рассказывают, что, поработав в других регионах Советского Союза и получив указание отправиться работать в Пермь, они оказывались озадачены этими распоряжениями: у них было лишь смутное представление о том, что Пермь находится где-то на Урале. Другие утверждают, что на картах советских времен Пермь вообще не отмечали, хотя я пока не нашел ни одного экземпляра подобной карты. Мне запомнилось высказывание одного из друзей. Пермь, сказал он, «стерлась из сознания» советского обывателя.

Хотя в наши дни Пермский край занимает территорию около 160 000 квадратных километров с населением около двух с половиной миллионов человек — из них около миллиона живут в самой Перми, — порой кажется, что после распада Советского Союза место этой географической локации в восприятии обыва-

теля не изменилось. В начале 2000-х годов на федеральном телевизионном канале выпустили новостной сюжет, посвященный Перми, перепутав ее с Пензой, которая удалена от Перми почти на тысячу километров. А в 2012 году я наблюдал за тем, как один ученый, приехавший в Пермь из Москвы, поставил себя в неловкое положение, заявив, что не каждый — в отличие от него — полетит «куда-то за Урал» читать лекцию. Но ведь Пермь, недовольным шепотом переговаривались слушатели, определенно находится по ту же сторону Уральских гор, что и Москва!

Интерес к месту, которое занимает постсоветская Пермь в России и в мире, возник не вчера. С тех пор как в конце 1980-х годов город открыли для приезжих, пермские политики и бизнесмены постоянно прилагали усилия к, образно выражаясь, возвращению этого города на карту, борясь за федеральные и зарубежные инвестиции. (Например, в начале 2000-х годов при губернаторе Ю. П. Трутневe Пермь претендовала на статус российской столицы гражданского общества, а при его преемнике, О. А. Чиркунове, — на статус европейской культурной столицы.) Просматривая свои полевые заметки и интервью, собранные за двадцать лет поездок в Пермский край, я отмечаю, что одной из их наиболее устойчивых тем действительно является переустройство пространства: постоянные изменения размеров и названий территорий и районов; качество, направление и ход строительства дорог и трубопроводов; отношения центра и периферии, столиц и провинций. Работая над сбором данных в 1990-х и 2000-х годах, я всюду натыкался на карты: от стен залов выставок современного искусства до глянцевых обложек бесчисленных отчетов органов государственного управления и региональных компаний. В 2009 году один журналист организовал серию публичных дискуссий, приглашая на них местных лидеров общественного мнения, чтобы поговорить о «карте мира», служившей для них ориентиром. А одна чиновница, занимавшаяся вопросами финансирования проектов культурного развития в малых городах региона, убеждала меня, что ее задача — помогать людям «найти свое место».

Особенно часто репрезентацией пространств Пермского края пользовались в региональном филиале московской международной нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» — «ЛУКОЙЛ-Пермь». К примеру, на крыше штаб-квартиры компании в центре Перми установили медленно вращающийся глобус, украшенный красными логотипами «ЛУК», которые указывали, в каких точках мира действует компания. В самом здании в нескольких залах открыли музей компании, одним из экспонатов которого стала большая интерактивная карта районов и городов Пермского края. Нажимая на подсвеченные кнопки, выстроившиеся на ней в ряд, можно поочередно выделять районы, где располагаются производство, очистные сооружения, автозаправочные станции и проекты социального и культурного развития, спонсором которых выступает компания. А если нажать на все кнопки сразу — кто же из школьников, посещающих музей с экскурсиями, не сделал бы именно так? — можно заставить весь регион сиять сверху донизу. Эта музейная карта Пермского края совершенно недвусмысленно указывала, что будущее региона связано с нефтью, а в некотором роде повторяла собственную организационную структуру корпорации «ЛУКОЙЛ» в регионе, но в каком-то смысле она была правдива. В 1990-х и начале 2000-х годов нефть практически вытеснила оборону и металлургию, став крупнейшей отраслью промышленности Пермского края.

Научная карта России тоже очень изменилась за последние два десятилетия, и теперь она отражает результаты гораздо большего числа исследований границ, пограничных областей, краев и окраин, чем когда-либо раньше. Большое внимание еще предстоит уделить изучению глубинной России — *глубинки*. С помощью понятия «глубинка», как правило, описывают локации, лежащие вдали от путей сообщения, наименее развитые, которые кто-то считает безнадежно устаревшими, тогда как другие завидуют устойчивости местных традиций. Глубинкой, безусловно, можно назвать многие отдаленные районы Пермского края, где добывается нефть. С точки зрения многих москвичей и петербуржцев — в число которых, полагаю, входит и упоминавшийся

выше ученый, — глубинкой можно назвать весь Пермский край или даже, пусть и в шутку, весь Урал. Слово «глубинка» вошло в обиход в начале XX века, в период продразвёрстки, как и многие другие понятия, используемые в качестве характеристик территории. Эти языковые изменения происходили параллельно с трансформацией глубин России в ином, геологическом смысле — с возрастающей тенденцией к централизации разработки подземных нефтяных и газовых месторождений во всех возможных смыслах. Именно эти недра России — и сами места, которые зачастую рассматривают как удаленные и периферийные, и все более значительные залежи углеводородов в недрах под некоторыми из них — дали название моему исследованию.

Можно сказать, что эта книга является моим вкладом в дело возвращения Перми, Пермского края и его нефтяных месторождений на карту. На протяжении большей части XX века нефть, добываемая из недр Пермского края, питала социалистический политический и экономический строй, не создавший того типа производства, обмена и потребления, который в капиталистическом мире приводил к нефтяным бумагам и спадам — а также к появлению целых библиотек исследовательских материалов об этом. Несмотря на то что Советский Союз занимал важное место среди крупнейших мировых производителей и экспортеров нефти, советские граждане не ощутили на собственном опыте, как прочно нефть связана с общественным неравенством, нестабильностью денежных потоков, головокружением от темпов модернизации или грандиозными культурными событиями — со всеми признаками капиталистического нефтяного бума. Советская нефть не стала фундаментом для возникновения финансово-промышленной элиты, которая могла бы влиять на госструктуры, конкурировать с ними или даже выполнять вместо них функции органов управления. Поэтому — и по многим другим причинам — в Советском Союзе нефти придавали совсем иное значение, чем в таких капиталистических державах, как США, или в нефтесысыщающих странах европейской и американской постколониальной периферии — Нигерии, Саудовской Аравии, Венесуэле и т. д.

Эти отличия не исчезли ни после распада Советского Союза в 1991 году, ни в годы экономического подъема начала и середины 2000-х годов. Даже когда нефтяная промышленность Пермского края начала встраиваться в глобальную нефтяную индустрию, этот процесс в значительной степени опирался на практики советского периода и переходного постсоветского — например, в вопросах вертикальной интеграции и принятия программ корпоративной социальной ответственности. Получившаяся в результате гибридная многослойная структура, сочетающая в себе как опыт прошлого, так и инновации, является благодатной почвой для теоретического изучения вопроса о роли нефти в современном мире — и в этой книге я применяю к данному вопросу сравнительный подход. Например, нефтяные компании в постсоветском Пермском крае обрели свое влияние не посредством накопления денежного капитала, а, в отсутствие денег, в условиях бартера и суррогатных валют. К началу 2000-х годов запросы советской эпохи и условия эпохи постсоветской привели к возникновению необычайно тесных связей между региональными органами управления и региональными филиалами крупных корпораций, и эти связи оказывали значительное влияние на различные сферы жизни Пермского края — от инфраструктуры до здравоохранения, от экологии до религии. Особо следует отметить усилия этого союза администрации и бизнеса, приложенные к конструированию региональной идентичности и смысловых миров, названных мною постсоветским культурным фронтом. Этот фронт привел к смещению фокуса внимания местного населения с заводов советской Перми — с их долгой историей административных центров, с их символическим статусом цехов, в которых ковались советские люди, — на нефтяные запасы региона и заключенные в них символические возможности переосмысления роли Пермского края и его жителей. «Жить в Пермском крае» все чаще стало значить «жить в нефтедобывающем регионе» — даже для тех, кто не хотел, чтобы будущее региона было связано с углеводородами.

Само по себе влияние нефти на человеческие представления и возможности вряд ли можно рассматривать в глобальном

контексте как уникальный случай. Но советское прошлое вкупе с трансформациями постсоветского периода сделали суть этого влияния в Пермском крае в чем-то отличной от сути такого же влияния нефти в других регионах и странах, хотя в чем-то это влияние неожиданно оказывается очень похожим на то, что мы наблюдаем в других местах. Таким образом, исследование недр России выводит изучение нефти на более широкий, чем прежде, глобальный уровень: внимание следует уделять не только странам первого и третьего мира и их взаимоотношениям в период холодной войны, но и, в еще большей степени, политическим системам XX и XXI веков, в которых нефть играла и продолжает играть значимую роль.

Благодарности

Эта книга вышла в свет благодаря поддержке множества организаций и отдельных людей, хотя ответственность за конечный результат следует возлагать исключительно на меня самого. Полевые работы для этого проекта профинансировали Программа культурной антропологии Национального научного фонда (National Science Foundation Cultural Anthropology Program), Национальный совет по евразийским и восточноевропейским исследованиям (National Council for Eurasian and East European Research) и Центр международных и территориальных исследований Йельского университета (Yale University's MacMillan Center for International and Area Studies), и я благодарен их усердным сотрудникам и координаторам за поддержку и советы. Мэри Смит, Фрэнк Д'Ария и Дженнифер ДеЧелло с факультета антропологии Йельского университета провели меня через тысячи организационных трудностей, тонкостей и форм отчетности, благодаря которым решились практические вопросы организации исследования. Институт перспективных исследований Рэдклиффа при Гарвардском университете, где в 2012–2013 годах я получал стипендию имени Элизабет С. и Ричарда М. Кашин, предоставил мне целый год для работы над текстом, а руководство Йельского университета помогло с организацией поездки в Кембридж. Благодаря Институту Рэдклиффа у меня также появилось множество коллег, послуживших для меня в том году источником вдохновения. Спасибо Брине, Дейзи, Дэвиду, Генри, Джуди, Кэтрин, Мариэлле, Ребекке, Рене и многим другим за дружескую поддержку на протяжении тех моих коротких недель (но долгих дней) в Кембридже. Ваши находчивость и эрудиция дали этой книге больше, чем вы можете представить.

Пермский край многие годы оставался гостеприимным домом для исследователя. Я благодарен кафедре политологии исторического факультета Пермского государственного университета, которой руководит Л. А. Фадеева, за обеспечение организационной поддержки проекта. Публикации преподавателей и аспирантов кафедры оказались просто незаменимы при написании тех глав моей работы, где речь идет о Пермском крае в постсоветские годы, и я особенно благодарен Л. А. Фадеевой, П. В. Панову и Н. В. Борисовой за их уникальные знания и беспримерное желание этими знаниями делиться. Другие мои друзья и знакомые — в их числе ныне покойный Г. Н. Чагин, В. В. Кальпиди, Д. М. Колмогорова, Н. Г. Нечаева, А. В. Шахаев, С. А. и Т. А. Ветошкины, а также Г. А. Янковская — с радостью организовали для меня столько знакомств, затей и восхитительных вечеров, что я не сумел найти время для всех. Особую благодарность я выражаю С. И. Федотовой за то, что она поделилась своими работами — опубликованными и неопубликованными — о Пермском крае и его нефтяной промышленности. А М. Г. Нечаев и С. А. Пономарев, два директора Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ), сделали для подготовки используемой в рамках этого проекта архивной документации гораздо больше, чем входило в их повседневные обязанности. Их преданность делу кропотливого изучения архивных источников по истории Пермского края внушает настоящее благоговение и заслуживает глубочайшей признательности. О. Л. Кутьев, с самого начала видевший потенциал этого проекта яснее кого-либо другого, заслуживает особой благодарности; без него Пермский край уже не будет прежним. Одним из величайших удовольствий в ходе исследований, проведенных для создания этой книги, была возможность улизнуть из Перми, чтобы навесить маленький городок Сепыч, где я проводил изыскания прежде, и побывать в домах своих самых старых и самых дорогих друзей в Пермском крае. Эта книга посвящена совершенно иной теме, чем та, над которой я когда-то работал в Сепыче, но мои друзья, живущие там, наверняка понимают, что в поисках точек взаимодействия между нефтью, властью и культурой в их части

Урала я никогда не забывал их воспоминаний и впечатлений, связанных с жизнью в советскую и постсоветскую эпоху.

Также я должен поблагодарить своих многочисленных коллег и друзей, внимательно читавших и комментировавших фрагменты, черновики и наброски, что помогло значительно усовершенствовать эту книгу. Среди них Мариелла Бацигалупо, Маргарита Балмаседа, Барни Бейт, Доминик Бойер, Пол Бушкович, Элизабет Данн, Дэвид Энгерман, Кристен Годзее, Брюс Грант, Крис Ханн, Эрик Хармс, Карен Эбер, Саймени Хоу, Марсия Инхорн, Майкл Кеннеди, Майк Макговерн, Сергей Ушакин, Оскар Санчес-Сибони, Хелен Сиу, К. Сиварамакришнан, Вели-Пекка Тынккинен, Кэтрин Вердери, Майкл Уоттс и Сьюзан Венгл. Все эти годы мне помогала мудрость Билла Келли. Участники лекций и семинаров, проходивших в Университете Майами в Огайо, в Брауновском университете, Миддлберийском колледже, Йельском университете, Пенсильванском университете, Университете Райса, Нью-Йоркском университете, а также в Гарвардском и Чикагском университетах, помогли мне уточнить и в некоторых случаях пересмотреть свои аргументы, — как и многочисленные вдохновляющие беседы с коллегами и студентами на моей родной кафедре. Сара Бринегар, Питер Ратленд, Оксан Баюган и Джулия Хеммент прочитали предпоследний черновой вариант этой книги и оставили комментарии к нему. Глубокие и обстоятельные комментарии Джулии, а также предварительное знакомство с ее собственной книгой о России в 2000-х годах оказались особенно важны на заключительном этапе. Кэтрин Вердери заслуживает специальной награды. Чем дальше я продвигаюсь в своей работе в избранном направлении, тем больше ее пример и поддержка значат для меня.

Сказав о полевых работах и о работе над текстом, нужно упомянуть и подготовку к изданию. Я благодарю Роджера Хейдона из издательства «Cornell University Press» за его энтузиазм, внимательность и скорость редактуры. Я также благодарен Биллу Нельсону за карты, Кейт Мертес за предметно-именной указатель, а также Ким Джамбаттисто и ее коллегам по «Westchester Publishing Services» — за само издание. И. М. Викторov,

А. В. Иванов и Ю. Ю. Зайцева дали мне разрешение разместить на обложке замечательную картину Викторова «Трубопровод». Некоторые фрагменты этой книги основаны на моих предыдущих публикациях [Rogers 2011; Rogers 2012; Rogers 2014a; Rogers 2014b; Rogers 2014c], но для этого издания они были разделены на смысловые слои, реструктурированы, переосмыслены и обновлены. Я благодарю издательство «Paradigm Publishers», Американское этнологическое общество (American Ethnological Society), Фонд этнографических исследований Веннера-Грена (Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research), Институт этнографических исследований (Institute for Ethnographic Research) и издательство «Indiana University Press» соответственно за разрешение использовать эти фрагменты здесь. В последние несколько лет мне очень везло со студентами-помощниками: Элизабет Бронштейн, Йен Конвей, Наталия Лэнгбурд, Леонид Пейсахин, Меган Рейс и Дэвид Уилли проверяли многочисленные цитаты, вычитывали черновики и оставляли полезные комментарии по важным и неважным вопросам.

И наконец, я выражаю глубокую благодарность Кэрол, Лео, Мелани, Элле, Кэйдуну и Энн за их уступчивость, терпение, поддержку и позитивный настрой. Некоторое время назад мы с Мелани решили воплощать свои честолюбивые замыслы параллельно, а не последовательно, и это, скажу я вам, те еще гонки. Лучшего компаньона я и представить себе не могу.

К вопросу о названиях географических объектов и корпораций, а также о личных именах

За тот период, что охватывает эта книга, Пермский край то увеличивался, то уменьшался в размерах, а также несколько раз переименовывался. Например, с 1940 по 1957 год Пермь носила имя Молотов, и территорию вокруг нее называли Молотовской областью. Для ясности я везде использую нынешнее название, «Пермский край», если только смена названия не важна в контексте высказывания. То же относится к названиям городов, поселков, районов и других географических локаций. С названиями компаний все гораздо сложнее, поскольку отслеживание деталей приватизаций, слияний, приобретений и других видов реструктуризации, приводящих к смене названия, лежит в основе многих моих утверждений. Хочу заверить читателей, моментально теряющихся в хаосе компаний, филиалов и корпоративных подразделений: многие из моих собеседников тоже теряются. Словарь и приложение, в котором перечислены постсоветские губернаторы Пермского края с указанием на годы, когда они находились у власти, предназначены для того, чтобы читатель мог быстро сориентироваться.

Многие из тех, чьи слова приведены в этой книге, во время наших с ними бесед состояли на государственной службе, являлись сотрудниками корпораций или занимали другие должности и участвовали в беседе в своем официальном статусе; с их разрешения я подписываю их настоящими именами те фрагменты наших бесед, которые предназначались «для печати». Однако подавляющее большинство моих респондентов предпочли, чтобы в тексте я скрыл их имена и другие детали, указывающие на них. В таких случаях я использую более общие описания, предназначенные для того, чтобы скрыть личность собеседника: «один бывший сотрудник», «знакомый», «участник, с которым я говорил» и т. д.

Введение

Нефть, государства, корпорации и культурная политика

Утром 14 сентября 2008 года я проснулся в своей постели, разбуженный сообщением Национального общественного радио США об авиакатастрофе в Перми. Погибло восемьдесят восемь человек — все, кто находился на борту самолета компании «Аэрофлот-Норд». Российские СМИ могли добавить к этому лишь несколько сообщений очевидцев, слова скорби о погибших и сообщение о том, что ведется расследование. Слухи, конечно же, не заставили себя долго ждать. Кто-то сказал, что пилоты были пьяны. Другой заявил, что на борту находился армейский офицер, участник чеченской войны, и боевики отомстили ему, взорвав самолет. Один из таких слухов привлек мое внимание летом 2009 года, когда я вновь приехал в Пермь. Кавказские террористы угнали самолет, сказал мне таксист. Они планировали врезаться в здание штаб-квартиры компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» в центре Перми, но не сумели. На пути к цели самолет был сбит, сказал он мне, либо российскими военными, либо службой безопасности самого «ЛУКОЙЛа». Это, добавил он, объясняет не только само крушение, но и то, что расследование проводят тайно. Расспросив своих друзей и знакомых в Перми, я убедился, что эта версия произошедшего была распространена довольно широко, только в качестве предполагаемой цели теракта выступали попеременно здание администрации компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» в центре Перми и крупнейший нефтеперера-

батывающий завод «ЛУКОЙЛа» в промышленном районе города, расположенный ближе к месту крушения (а также к аэропорту, в котором самолет должен был приземлиться). На одном интернет-форуме я нашел длинную дискуссию о том, могло ли спланированное крушение самолета на территории завода действительно стать причиной пожара, в котором сгорел бы до основания весь городской район.

Я нахожу эти слухи интересными, поскольку они явно перекликались с нарративом о терактах 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Только на месте символического центра финансовой столицы под эгидой США здесь оказывался символический центр (или центр переработки сырья, в версии о заводе) нефтяной промышленности Пермского края. А место террористов «Аль-Каиды», атакующих Соединенные Штаты, заняли кавказские террористы — предположительно чеченские, — атакующие сердце России. Население здесь оказывалось спасено не благодаря слаженным действиям граждан, приведшим к крушению самолета до того, как он достиг своей цели, а благодаря оперативным действиям военных — или, возможно, самой нефтяной компании, располагавшей, согласно этим слухам, ракетным оружием класса «земля — воздух» наравне с Российским государством. Мыслившие в религиозном, мистическом или конспирологическом ключе — как и любители черного юмора — позднее связывали эту авиакатастрофу с ужасным пожаром, произошедшим в 2009 году в пермском ночном клубе, во время которого погибло более 150 человек. Выдвигались и гипотезы о том, кто *на самом деле* управляет происходящим в Пермском крае. В качестве кандидатов выступали Бог, дьявол, различные российские или зарубежные заговорщики, а также конкурирующие уральские турфирмы.

Авиакатастрофа рейса «Аэрофлот-Норд» явно не давала покоя многим жителям Перми и в последующие годы не раз еще становилась темой разговоров. Летом 2010 года в рамках проекта, поддержанного и профинансированного региональным Министерством культуры, на площади перед зданием администрации Пермского края из гигантских бетонных блоков сложили слово «власть» (илл. 1). Бетонные буквы должны были в игровой

Илл. 1. «Власть» Н. А. Ридного, инсталляция, установленная в 2010 году перед зданием Пермского законодательного собрания, в конце эспланады в центре города. Штаб-квартира компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» находится за кадром слева. Фото автора, 2010

форме материализовать то, что обычно нематериально, — так сказать, опредметить власть¹. Оказалось, что власть могущественного Российского государства можно использовать в качестве обычной скамейки. Этот проект был лишь небольшой частью постоянных усилий региональной администрации по превращению Перми в европейскую культурную столицу и тем самым привлечению туристов, чтобы, с одной стороны, диверсифицировать экономику края, находившуюся в существенной зависимости от нефтяных доходов, а с другой стороны — увидеть город в российских и зарубежных новостях, не связанных с авиакатастрофами или пожарами в ночных клубах. Но Катю, мою знакомую, работавшую в десятиэтажном здании краевой администрации, это не повеселило. Когда через пару дней после установки я смотрел из окна ее офиса на бетонные буквы, она с тревогой глядела в небо. «Здесь постоянно летают самолеты, — сказала она, — а эти буквы достаточно велики для того, чтобы их было видно с высоты. Их, наверное, можно увидеть даже на спутниковых снимках Google Earth. Как будто кто-то хочет сделать государственную власть мишенью». Иными словами, если существует хотя бы малейшая вероятность того, что некие неизвестные направили самолет в здание компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», расположенное напротив, разве у нее нет оснований выглядывать в окно с тревогой?

Слухи, теории заговора и тревоги интересны в том числе и потому, что они указывают, какие проблемы беспокоят людей в данное время и в данном месте². Следившие за авиакатастрофой 2008 года выявили и объяснили взаимосвязь между проблемами, волновавшими многих жителей Пермского края в первое десятилетие XXI века: возникновение и рост влияния «ЛУКОЙЛа» почти на все аспекты жизни в Пермском крае; тесные связи

---

¹ «Бетон» по-английски — «concrete». «Concretization» — не только «опредмечивание», но и «бетонирование». — *Примеч. перев.*

² О конспирологии в России можно почитать у Ушакина [Oushakine 2009a] и Боренштейна [Borenstein 2019]. У Бойера [Boyer 2006] дан превосходный обзор пользы теорий заговора для антропологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru